

М. М. Лойша

г. Минск, Республика Беларусь

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2021 ГОДА: ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Нарастающий экологический кризис в современном мире и вопросы устойчивого развития человечества в условиях техногенной цивилизации стали одним из существенных факторов появления и развития эколингвистического направления в современной лингвистике [1, с. 7].

Несмотря на доминирование антропоцентрического подхода во многих сферах гуманитарного знания на протяжении многих десятилетий, который предписывал рассматривать человека и его деятельность как отправную точку во всех исследованиях, принципы экологической этики вышли за аксиологические рамки антропоцентризма и потребовали формирования новой парадигмы изучения человеческой деятельности.

Понятие «экология» стало использоваться в лингвистике в 70-х гг. XX века по инициативе американского лингвиста Э. Хаугена, который, рассматривая такие междисциплинарные направления как социолингвистика и психолингвистика, пришел к выводу о необходимости нового термина «эколингвистика». Определив предмет нового направления, как изучение взаимосвязи между языком в ментальном пространстве индивида и языком, функционирующем в конкретном многоязычном обществе, Э. Хауген поставил задачу разработать новую стратегию изучения взаимосвязи окружающей среды и языка [2, р. 59]. Это потребовало разработки нового терминологического аппарата, куда вошли метафорически переосмысленные понятия «языковая среда», «информационная среда», «виртуальная языковая среда», «текстовое поле языка» и др.

Несмотря на то, что данное направление только разрабатывает методологические подходы, дискутирует о предмете и объекте, а также пытается очертить свои границы, взаимодействуя со смежными дисциплинами, исследователи выделяют несколько траекторий для решения стоящих перед ними сложных, но жизненно важных для дальнейшего развития эколингвистики задач [3, с. 142]. Данные подходы классифицируются учеными в зависимости от приоритетных критериев. С. В. Ионова отмечает, что предметное поле эколингвистики еще не приобрело четких очертаний. Исходя из того, что представления об экологии среды обитания человека многообразны, в сферу эколингвистики можно включить разные аспекты, например геополитическую экологию языка (взаимодействие языков, сохранение языкового многообразия, языковая политика государства и международных организаций), экологию языка (вопросы сохранения национального языка, поддержание его нормативности), экологию среды обитания языка (системные взаимосвязи разнородных явлений и изучение взаимовлияния среды и языка), нравственную экологию (культурная однородность, нравственная самодисциплина, социализация) и многие другие [4].

На сегодняшний день в рамках эколингвистики изучаются различные типы текстов: тексты о вопросах экономики, природных ресурсах, изменении климата и энергетике. В рамках изучения экологии среды обитания языка перспективным направлением исследования является перенос эколингвистической метафоры «языковая среда» на медиалингвистическое поле исследования, что позволяет рассматривать медиадискурс как среду, где существует и функционирует медиаязык. Использование данной метафоры также определяет методологию исследования экологической проблематики в медиадискурсе, а именно изучение концептуализации понятий и явлений действительности через метафорическое моделирование. Использование метафорического моделирования также созвучно пониманию задач эколингвистики, которые были описаны А. Штиббе. Эколингвистика ставит своей целью исследовать истории, пронизывающие современную техногенную цивилизацию, где концептуальная метафора является микронарративом или сжатой историей, которая также транслирует идеологию или систему ценностей ее авторов [5, р. 22]. Будучи частью любого дискурса (политического, рекламного, медийного и т.д.), истории оказывают воздействие на адресата, которое последний не способен осознать, и формируют положительный или негативный дискурс. Таким образом, экспликация данных историй помогает выработать механизмы защиты в случае деструктивных историй и механизмы пропаганды в случае конструктивных историй.

Данный подход позволяет инкорпорировать инструменты анализа дискурса из различных направлений лингвистики: критического дискурс анализа, в основе которого лежит постулат о том, что язык является неотъемлемой частью любой социальной практики; теории фреймов, где фрейм является единицей изучения комплексных явлений; теории метафорического моделирования; теорий стирания (*theories of erasure*), исследующих сферы жизни, которые исключаются или игнорируются в текстах.

В качестве материала исследования были использованы новостные статьи из британского сетевого издания The Guardian, которые освещают глобальный энергетический кризис, начавшийся в 2021 году в результате череды событий, а именно, пандемии COVID-19, глобального потепления и вооруженного конфликта России и Украины.

Анализ языкового материала показал, что энергетический кризис в статьях The Guardian представлен посредством метафорической модели «стихийное бедствие», что в первую очередь вербализуется посредством использования метафоры *perfect storm* ‘идеальный шторм’. Выражение *perfect storm* определяется как метеорологическое явление, возникающее в результате уникального сочетания нескольких неблагоприятных факторов, которые сами по себе не являются разрушительными, но в совокупности их разрушительный эффект существенно увеличивается. В метафорическом смысле данное выражение широко используется в медиадискурсе для описания различных кризисных ситуаций в экономике, политике и других сферах. Само использование фрейма «стихийное бедствие» для описания кризисных ситуаций не ново, однако для данного исследования важен тот факт, что презентуемое явление упаковывается в фрейм, который задает ангажированное восприятие конструируемой реальности. Технология фрейминга создает в картине мира целевой аудитории именно необъективные, формирующие требуемую перспективу репрезентации. В случае с освещением энергетического кризиса 2021 года британская газета представляет его как явление, вызванное стечением обстоятельств, контролировать которые не представляется возможным.

Дальнейшая актуализация метафорической модели «энергетический кризис – это стихийное бедствие» реализуется в дискурсе посредством ряда фреймов, которые создают многоаспектное явление, а именно «действия энергетического кризиса» и «жертвы энергетического кризиса».

Семантический анализ метафорических единиц, используемых для описания энергетического кризиса, показал, что наиболее продуктивной сферой-источником является антропоморфная метафора, количество употреблений которой составило 73 % от общей выборки. Высокая репрезентативность антропоморфных метафор еще раз указывает на ведущую роль антропоцентризма в когнитивном процессе метафорического моделирования, т.е. моделируя реальность человек тяготеет к поиску понятных образов, которые позволят упростить понимание сложных явлений. Количество употреблений природоморфной метафоры составляет 21 % от выборки и представлено примерами из понятийных сфер «живая природа» и «неживая природа». Артефактная и социоморфная метафоры составляют только 3 % каждая.

Детальный анализ фрейма «действия энергетического кризиса» показал, что тональность, заданная метафорической моделью «энергетический кризис – это стихийное бедствие», доминирует и в образах, которые создаются посредством метафорических высказываний. Так, например, все действия энергетического кризиса описываются с помощью глаголов, объединенных

общим семантическим компонентом «причинять вред» – *hitting budgets* ‘бьет по бюджету’, *rip the economy* ‘раздирает экономику’, *claim suppliers* ‘уносит жизни/лишает поставщиков’, *erode the economic recovery* ‘подрывает экономический рост’. Особенно ярко этот метафорический перенос реализуется в примере, где энергетический кризис не только причиняет ущерб, но и разоряет поставщиков энергии, чье банкротство сравнивается со смертью в результате природной катастрофы или болезни – ... *the current energy crisis, which has led to record high gas prices and **claimed** 15 small energy suppliers this year* ‘нынешний энергетический кризис, который привел к рекордно высоким ценам на газ и лишил нас 15 небольших поставщиков электроэнергии’.

Второй фрейм «жертвы энергетического кризиса» включает такие действующие лица, как страны, правительства, конечные потребители, энергетическая отрасль, заводы. Несмотря на то, что данные субъекты играют разную роль в экономике, они все представляются как жертвы кризиса. Антропоморфные метафоры также превалируют в конструировании их образов. Например, страны и промышленность описываются как имеющие аппетит и изголодавшиеся по энергоресурсам, и чем больше страна, тем больше аппетит. Так, в контекстном примере – *China's **appetite** for energy is always a key driver of global market prices* ‘Повышенный спрос Китая на энергоресурсы всегда способствовал повышению мировых рыночных цен’ – Китай описывается как существо с аппетитом, которое насыщается, получая энергоресурсы в достаточном количестве. Еще один пример – ... *this would greatly increase costs for energy-**hungry** industries ...* ‘это значительно увеличит расходы в отраслях промышленности, изголодавшихся по энергоносителям’ – показывает промышленность как живой организм, лишенный питания.

Очень эмоциональные образы, апеллирующие к чувству жалости и сострадания целевой аудитории, создаются при описании конечных потребителей, которые не способны справиться с обрушившимися на них последствиями энергетического кризиса. Так в примере – *The government is setting up to pick up customers **left stranded** by the collapse of energy suppliers* ‘Правительство не оставит в беде конечных потребителей, попавших в бедственное положение в результате коллапса поставщиков электроэнергии’ – потребители, т.е. частные лица, уподобляются жертвам кораблекрушения, выброшенными на необитаемый остров. Хотя в примере устанавливается причинно-следственная связь, указывающая на вину поставщиков электроэнергии, целевая аудитория достроит свою картину мира, где и конечные потребители, и поставщики будут жертвами одного и того же явления – бури или шторма, заставляющих корабли сбиваться с курса и терпеть бедствие под натиском стихии. Описывая заводы, журналисты также используют антропоморфные метафоры, среди которых показательным является следующий пример – *Large steelmakers, chemical factories and manufacturers are all vulnerable to the impact of energy costs and are already **feeling the financial pain** of the energy price shock* ‘Крупные сталелитейные заводы, химические концерны и другие производители беззащитны перед ростом расходов на

энергонаосители и уже страдают от финансового бремени, связанного со скачкообразным ростом цен'. Энергетический кризис не только приносит разрушения, он еще и заставляет свои жертвы страдать.

Отличительной чертой исследуемых статей является попытка создать положительный образ государства, которое *help companies and households weather the looming winter energy crisis* 'помогает компаниям и домовладениям справиться с надвигающимся зимним энергетическим кризисом', а также *has embarked on an ambitious programme to wean itself off Russian gas completely* 'начало амбициозную программу, чтобы полностью отказаться от российского газа'. Данные примеры демонстрируют проактивную позицию европейских правительств, которые не сдаются под натиском шторма.

Проведенный анализ показал, что образ энергетического кризиса предстает в негативном формате в англоязычном медиадискурсе, с единой историей, проецируемой во всех типах метафорических переносов. Очеловечивая энергетический кризис и сравнивая его со стихийным бедствием, журналисты не только создают экспрессивные образы для описания его негативных последствий, они также избегают ответов на вопрос, кто виноват в возникновении этой проблемы, и кто должен нести ответственность. Несмотря на то, что статьи часто указывают на причины возникновения кризиса, подробно описывая, как повышенный спрос на энергоносители и конфликт с Россией привел к росту цен на газ и нефть, умалчивается или затирается влияние глобального потепления на возникшую проблему. Таким образом, формируется деструктивный, с точки зрения эколлингвистики, дискурс с историей, отрицающей негативное влияние человека на окружающую среду и переносающей ответственность на обстоятельства непреодолимой силы, в данном случае, стихийные бедствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, О. С. Экологическая парадигма: истоки, становление, развитие / О. С. Анисимов, С. Н. Глазачев // Вестник международной академии наук (Русская секция). – 2013. – № 1. – С. 6–12.
2. Haugen, E. The Ecology of Language / E. Haugen // The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – London ; New York, 2006. – P. 57–66.
3. Сковородников, А. П. К философским основаниям предметной области эколлингвистики / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 140–161.
4. Ионова, С. В. Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный опыт / С. В. Ионова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 86–93.
5. Stibbe, A. Ecolinguistics: language, ecology and the stories we live by / A. Stibbe. – Abingdon : Routledge, 2021. – 260 p.